

152
308421

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
“Мозырский государственный педагогический университет”

**ТЕКСТ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ
И В МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН**

Материалы II Международной научной конференции
26 – 27 марта 2003 г.,
г. Мозырь

В двух частях

Часть 1

Мозырь 2003

РЕПУБЛИКА
БЕЛАРУСЬ
МАЗЫРЬ

УДК 801.73 (07) (082)
ББК 80-9
Т30

Редакционная коллегия: П.Е. Ахраменко, Л.Н. Боженко, В.В. Кузьмич,
А.А. Иванова, Т.Н. Липская, А.Г. Мухин,
В.С. Сидорец, Т.И. Татарнинова

Ответственные редакторы: С.Б. Кураш, О.И. Ревуцкий, В.Ф. Русецкий

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Учреждения образования
"Мозырский государственный педагогический университет"

Т30 Текст в лингвистической теории и в методике преподавания
филологических дисциплин: Материалы II Международной научной
конференции, 26 – 27 марта 2003 г., Мозырь: В 2 ч. Ч. 1. / Отв. ред.
С.Б. Кураш, О.И. Ревуцкий, В.Ф. Русецкий. – Мозырь: УО "МГПУ",
2003. – 185 с.

ISBN 985-477-046-X
ISBN 985-477-047-8

Сборник содержит материалы по актуальным проблемам теории текста и
методики его изучения в вузе, общеобразовательной школе и средних специальных
учебных заведениях.

В первой части представлены доклады по проблемам исследования текста в
структурно-смысловом, коммуникативно-прагматическом и концептуальном
аспектах, а также лингвистики текстовых жанров.

Адресуется научным работникам, преподавателям, аспирантам, студентам
филологических специальностей.

2003

УДК 801.73 (07) (082)
ББК 80-9

ISBN 985-477-046-X
ISBN 985-477-047-8

© УО "МГПУ", 2003

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ТЕКСТА НА КАФЕДРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА МОЗЫРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Результатом развития в современной филологии идей антропоцентризма стало учение о
языковой личности, понимаемой как «набор языковых способностей, умений, готовностей к
осуществлению речевых поступков разной степени сложности» (Ю.Н. Караулов). В связи с этим
в качестве основной единицы лингвистики и лингводидактики стал рассматриваться текст –
произведение речи, непосредственно связанное с ситуацией общения и несущее отпечаток лич-
ности его автора.

Принципом антропоцентризма руководствуется в своей научной, учебной и методической
работе кафедра русского языка УО «Мозырский государственный педагогический университет»,
определяемая в качестве своей основной задачи «... дальнейшее развитие личности каждого обу-
чающегося через усвоение языка как средства коммуникации, что делает необходимым перво-
степенное внимание к тексту».

Система работы кафедры русского языка по подготовке студента-филолога как языковой
личности основывается на идеях Ю.Н. Караулова, Г.И. Богина и других учёных, рассматриваю-
щих модель языковой личности как структуру, включающую когнитивный, вербально-
семантический и мотивационно-целевой уровни, с учётом того, что основу языковой личности
составляет гуманистическое по своему характеру коммуникативное ядро (А.А. Бодалев,
О.П. Протченко). Такая работа ведётся в тесном сотрудничестве с ведущим в этой области науч-
но-методическим коллективом – кафедрой риторики и методики преподавания языка и литера-
туры БГУ и другими учебными методистами, входящими в школу члена-корреспондента Акаде-
мии Образования РБ, профессора Л.А. Муриной, и лабораторией белорусского языка Нацио-
нального института образования РБ.

В научной области данная работа направлена на разработку основ типологизации текстов с
точки зрения качества семиотической усложнённости, а в учебно-методическом – на создание
методик филологического анализа текста на дискурсивной основе и формирование профессио-
нальной коммуникативной компетенции будущих учителей филологов и учителей начальных
классов.

Периодизация обучения языку на текст в системе работы кафедры предполагает:
➤ ознакомление студентов с основными понятиями лингводидактики и текстообразования
на занятиях по методике русского языка, культуре речи, стилистике, филологическому анализу,
художественного текста;
➤ координацию и интеграцию изучения отдельных лингвистических дисциплин на тексто-
вой основе;
➤ выработку умений и навыков построения текста в учебной деятельности и в педагогиче-
ском общении;
➤ обучение интерпретации текстов разных функциональных стилей и жанров;
➤ перераспределение системы языковых разборов на текст как связанное целое: отражение в
схемах анализа единиц лексики, морфологии и других языковых уровней их текстообразующих
свойств;
➤ подготовку учебных пособий, курсов лекций, сборников дидактических материалов и
т.п. с ориентацией на развитие коммуникативных способностей будущих филологов.

При разработке данной проблемы была принята во внимание профессиональная направ-
ленность подготовки будущих преподавателей словесности. В связи с этим разработана при-
кладная модель языковой личности учителя-филолога, в которой выделены два уровня: обще-
коммуникативный (важный для осуществления речевого общения в любых ситуациях) и про-
фессиональный (обеспечивающий коммуникацию в типичных ситуациях профессиональной
деятельности) (В.Ф. Русецкий).

Формирование коммуникативной компетенции учителя-филолога предусматривает обу-
чение сбору и обработке информации, анализу и продуцированию учебного текста, его комму-
никативному воплощению и организации коммуникативного взаимодействия, владению кодом
коммуникации, анализу речи. Решение указанных задач достигается путем специальной органи-

112] (фоновое озарение-свождение и — как результат — окажествление света, оцвечивание), «... медными крыльями, грозно сверкавшими на солнце сквозь тьму» [2, 145] (элемент триады), «... сквозь легкий шпек проникли лучи солнца в то время, когда император подымал туртур... и кровавый отблеск упал на лицо нового цезаря...» [1, 125] (озарение-свождение и — как результат — оцвечивание), «... лучи солнца, дробясь в темно-ярких стеклах, падали дождем радужных отблесков на живые волны талого, на серый камень столбов» [1, 31] и т.д. Эта разделение, в отличие от первых двух, эффективно также и в узком контексте (может решить ситуацию «здесь и сейчас»).

4. Следующая (четвертая) пара групп учитывает не только существование света, но и реалии, попавшие в спектр его действия, что очень важно, так как свет появляется в романе в двух ролях: 1) свет как собственно образ-символ и 2) свет для выдвигания образа-символа (для наложения ассоциативно-психологического рисунка на ситуативное пространство текста). Таким образом, четвертая группа и предполагает функциональное разделение света на: свет изменяемый (выдвигаемый) и изменяющий (выдвигающий) объект-реалию, свет в качестве актуализируемого объекта и свет в роли актуализатора объекта. Любое изменение реалии под воздействием света не объективно, а лишь ситуативно-визуально, то есть в данном случае изменение всегда будет приравнено к окажествлению (часто это подчеркивается соответствующей вербальной формулой: «в... свете (лучах, сиянии и т.д.) / имя какого-либо объекта / казался...» и т.д.). Однако в ряде случаев выдвигание объекта светом обеспечивает также выдвигание самого света как причины, условия выдвигания.

Ни одно разделение не является формальным. В любой паре групп один свет четко противопоставлен другому по тому, какая совокупность смыслов (анализировалась как отдельный сюжетный ход, так и продуцирующая его авторская идея) предшествует его появлению (способствует, создает условия, является причиной) и какая совокупность смыслов была предопределена данным сигналом-символом.

Подобное разделение можно считать закономерным проявлением сложного дуализма как идейно-концептуальной базы творчества Д.С. Мережковского. Автор делает читателя сопричастным мукам выбора, двойственному мироощущению, решению проблемы невозможного синтеза.

Предшествующей классификации отвечает и иное разделение. Светообозначения функционируют на страницах трилогии на трех этапах: 1) возникновение света (вербально указывается на его источник или происхождение); 2) путь до объекта (вербально определяются преграда или пространственный предел); 3) соприкосновение с объектом (вербально оговорен результат воздействия). Эта классификация соотносима (перекликается) с предшествующей, так как первые три пары групп (свет относительно природы его источника, наличие преграды, временного и пространственного пределов) характеризуют первый и второй этапы. Четвертая группа соотносится с любым из этих трех этапов.

Литература

1. Мережковский Д.С. Воскресшие боги. Леонардо да Винчи. М., 1990.
2. Мережковский Д.С. Смерть богов. Юлиан Отступник // Собр. соч.: В 4 т. / Сост. и изд. О.Н. Михайлова. Т. 1. М., 1990.

И. П. Курчевья (Минск)

КОНЦЕПТ ПЯМЯТЬ И ЕГО ГРАММАТИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Стихотворения Е. Евтушенко «Пожолая дамба» и «Лирическое отступление о школьных оценках» из поэмы «Двенадцать шагов» Р. Рождественского построены на контрасте восприятия жизни, а следовательно, на контрасте модальных значений, и потому основная стилистическая фигура — сравнительное противопоставление, экспликацией которого выступает лексема *память* как связующий элемент между прошлым и настоящим. Например, у Рождественского: *Память / за прошлое держится крепко, / то прибывает, / то убывает*. Контраст заключен в глагольных формах настоящего повторяющегося, не локализованного во времени действия. Сочетая в себе единство объективного и субъективного (память — это прошлое), лексема *память* приоб-

ретает в условиях контекста неограниченные пространственно-временные характеристики: с одной стороны, память как общечеловеческая категория, с другой стороны, память как индивидуальное воспоминание о чем-либо. В результате столкновения этих значений данная лексема приобретает большую экспрессивную емкость, причем нарастание экспрессии осуществляется по синтаксическому пути: оценочное наречие *крепко*, стоящее в конце предложения, способствует метафорическому сдвигу — созданию метафорического олицетворения, которое как бы покрывает весь текст. В результате лексема *память* перерастает в информему, становясь доминирующей при установлении общей модальности поэтического текста.

В стихотворении Евтушенко тема «память» также эксплицируется, но в качестве вербальных средств выражения сравнительного противопоставления выступают сочинительные союзы, привнося в семантику текста различные модальные оттенки. Например, прерывистость, умолчание как дополнительные средства в сочетании с союзом *а* имеют оценочно-характеризующее значение с оттенком преимущественности (юности и пред старостью): *по дамбе — / еще между детством и юностью, — / а я — / между зрелостью — / понимаете — / и...*; нежелание героя смириться с возрастом и в то же время собственное оценочное значение осуждения заключено в союзе *но*: *Стального, / стального — / сначало меня, / пробьешь. / Но страшно и больно / непередается / быть / даже любовью / не робившим. Эти значения развиваются всей структурой произведения: оценочное *да* как выражение согласия с ощущениями своего возраста несколько противопоставляет динамику текста. Меняется и тип речи: описание и повествование сменяются рассуждением как оценкой *изобретения духа — / произведенной медленной смерти; Старого, / старого — / на склад, / перенесенной лямом, / похосом. / Стального, / стального — / сначало меня не пробьешь*. В конце стихотворения противопоставлены оценочно-характеризующие и собственно-оценочные значения союза *и*, выступающий как связующий, содержит одновременно значение причинно-следственной обусловленности, сопоставленности (возрастных условий) и смягченное, ослабленное приятие юношеских запретов: *И слышу я с завистью — / увьи — не беспощадной: / Отсталые получулки! / Какой ты исторченный! — И я ощущаю прощание, / которую вам не по пути. / Ах, мне бы «исторченность» вашу, / но поздно ее перенять, а союз но переводит собственное оценочное значение приятия в значение неприятия. В результате сначала появляется значение категоричности решения (*но поздно ее перенять*), но уже следующая конструкция имеет оттенки сомнения, неуверенности, постепенно переходящие в гимн молодости, гимн времени: *а может быть, / это не поздно, / когда над землею так звездно, / и лица спадают с лица, / и нет непобедимым / черемуховым, / лебедным, / которому нет конца?!***

Чередование, совмещение функционально-смысловых типов речи (повествования с описанием, повествования с элементами рассуждения) создают контраст субъективных модальных значений: общности действия и неосуществимости желаний: *Подайте, / подайте / немножечко юности мне, несоответствия требуемому, желаемому: страшно и больно / непередается / быть / даже любовью / не пробиваемым; неодобрения, порицания, осуждения: *неужто ты стал подлым?; сожаления, равнодушия: *И тем, что ты плачешь, / меня ты совсем не тревожишь. / Какая счастливая ты: / ты страдаешь. / Ты любишь. / Ты могишь; оттенок желаемого: *Ах, мне бы «исторченность» вашу — и одновременно акцентирование подлинного счастья, когда веет непобедимым / черемуховым, / лебедным, / которому нет конца!****

В стихотворении Р. Рождественского устанавливаем коннотативные цепочки пространственной семантики с общей темой «память»: 1) *школа — мир — лес — вагон — дом — квартира — Керчь — Калькутта — Волга — Висла — Москва*, 2) *время — недели — вечерние зори — утренние зори*. Между членами ассоциативных рядов складываются отношения динамической смены жизненных периодов лирического «я», которые становятся символическим выражением быстротечности времени: герой не успевает сориентироваться в жизненном водовороте, что вызывает у него то жалость, то раздражение и даже признание своего бессилия: *Время жалело. / Недели мусоло. / С кем-то / о чем-то / бессмысленно спорю. / Вижу / большие вечерние / зори. / Утренних зорь / я почти что не помню... Первый ассоциативный ряд выступает по отношению ко второму фону, на уровне которого четче проявляются модальные оттенки. И в результате *память* и *время*, находясь в отношениях включения, начинают «светить отраженным светом» друг друга, рождая новые ассоциации.*

Повесть Ю. Нагибина «Переулки моего детства», составленная из 13-ти небольших по

объему рассказов (каждый рассказ — один блок информации (БИ), связана с поэмой Р. Рождественского и стихотворением Е. Евтушенко сквозным образом — образом памяти. Задавая в первом рассказе тему всей повести (есть память механическая и память души), автор сразу устанавливает две параллели семантических изотопических цепочек: механическая память — это имена, фамилии людей, адреса, телефоны, дни рождения; это вид памяти, помогающий сдавать экзамены и т. д.; душевная память — это некий род творчества... И чем сильнее подобна память у человека, тем сомнительнее ее показатели. В этом утверждении уже заложено оценочно-характеризующее значение, которое определяет лексико-грамматическую систему произведения.

Выделяя две параллели — объективную и субъективную, автор организует их в систему противопоставлений, выявляющуюся в грамматической парадигме предложений. Так, прямой порядок слов в личных конструкциях с субъектом действия, выраженным местоимением я, несет на себе момент эгоцентричности, т. е. на всем повествовании лежит отпечаток небеспристрастного отношения к изображаемому. Я — это целый мир, это память, это будущее. Такое утверждение прослеживается в интегральных отношениях ядерных структур БИ. Ядро последнего рассказа *Не надо цепляться за прошлое* («Ливень») с точки зрения актуального членения текста является темой, устанавливая с ядрами предыдущих рассказов (ремы) привативную оппозицию: прошлое — это песни; страшно; Иван; мой первый друг, мой друг бесценный и т. д. Наблюдается субъективное расположение компонентов актуального членения. Лексическое наполнение темы вносит сему некоторого раздражения, что связывает данную структуру с ядром первого рассказа: *полагаться на нее* (механическую память) никак нельзя, так как *работает память — бессознательное, или, вернее, подсознательное творчество. Это надо твердо знать, когда берешься рассказывать о прошлом, если хочешь оставаться честным в собственных глазах.*

Обобщенность субъекта действия соотносит высказывание с утверждением *у каждого человека есть свой угол*, которое, в отличие от содержательной структуры всей повести, содержит метафорический смысл, опровергающий утверждение ядерной структуры последнего рассказа. «Я» из конкретного субъекта перерастает в обобщенный субъект, который меняет оценку: *пока я откликаюсь углу дома в снеге и верю, что за ним — дали, и слышу их зов, я еще способен к мысли, слезам, творчеству.*

В результате препозиции ремы складываются различного рода ассоциации, устанавливающие динамические связи на первый взгляд семантически не связанных структур. Например, ядро рассказа «Меломанья» воспринимается как аграмматичное и асемантичное, если не установить его системные отношения с другими синтагмами рассказа и всего текста: повторяющиеся структуры *иначе нам не петь* как дистантный синтаксический параллелизм имеют различный смысловой объем. В первом случае — это результат совершенного действия в ответ на запрет петь под окнами:

- *Замри, гнида! — Слава нагнулась, резко выпрямилась, — и обломок кирпича расколот в ступу под самым окном Конькова.*

- *Здорово ты его!.. Только вот кирпичам... надо ли?*

- *Надо, — убежденно сказал Слава... — Иначе нам не петь.*

Семантическое варьирование синтаксической структуры в конце рассказа уже связано с коннотативным смыслом рематического компонента: *Когда люди зевают, то всякий опасается, когда им не нужно будет выбирать, они перестанут быть людьми!* «Этот» тема *иначе нам не петь* приобретает метафорическую емкость, становясь информацией с прагматической направленностью: что дает человеку право оставаться человеком? Умение видеть ситуацию и сделать нравственный выбор — такая интерпретация позволяет установить ассоциативную связь с первой ядерной структурой. В результате складывается смысл всей повести. Память — это совесть, это пространство со своими «перулками». И каждый «перулою» памяти в повести Ю. Нагибина окрашен определенной модальностью: рассказ «Песни» имеет оттенок нежности, «Друг дома» — легкой иронии, «Страшно» — благодарности, «Милые шутки жизни» — полноты ощущений, «Не в ту сторону» — ответственности перед людьми и т. д.

Таким образом, установка на прошедшее в развитии лирической темы, или прошедшее ретроспективное, становится основным средством связности текста. Категориальная форма изъявительного наклонения указывает на соответствие между содержанием и действительностью, а дистантное соотношение неопределенного наклонения — инфинитива — в рассказе «Дом № 7» и

дистантно повторенная отрицательная структура *иначе нам не петь* («Меломанья») со значением категоричности утверждения переводит изъявительное наклонение в план наклонения предостерегательного, окрашивая всю повесть оттенком лирической грусти: *У каждого человека есть свой угол — память.*

С. В. Машканцева (Минск)

КОНЦЕПТ ЛЕСА КАК ИСПОЛНИТЕЛЬ ДЕЙСТВИЙ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ЧЕЛОВЕКА (на материале романа Л. Леонова «Русский лес»)

Длительное время лингвисты уделяли внимание лишь формальному синтаксису, в результате чего синтактика оказалась оторванной от семантики и прагматики. В последние десятилетия все чаще говорится об интегральном характере естественного языка, о взаимосвязи синтактики, семантики и прагматики. Так, например, для полного раскрытия концептуального значения понятия *лес* в романе Л. Леонова недостаточно выдать словарные и авторские дефиниции лексемы *лес*. Значительную часть концептуальной информации несут слова, с которыми данная лексема сочетается в контексте.

В научной литературе под семантическим субъектом понимается производитель действия или носитель предикативного глагола. В романе Л. Леонова лексема *лес*, исполняя роль семантического субъекта, имеет отношение к действиям, не направленным на какой-либо объект, и к действиям, направленным на какой-либо объект. Объектом в данном случае может выступать природа или человек. Среди действий леса, направленных на человека, можно выделить а) действия, направленные на конкретного человека; б) действия, направленные на русский народ.

Действия леса, направленные на конкретного человека, выражены разнообразными глаголами. Часть глаголов используются на то, что в романе Л. Леонова лес является попутчиком и провожатым человека. Так, глагол *вывести* имеет значение «вести, направить куда-нибудь». Как правило, в «путях» прожогого нуждается тот, кто попал в лес и плохо ориентируется в нем. В связи с этим Л. Леонов говорит о лесе как о провожатом по отношению к главному герою — Ивану Матвеечу. В хрестоматии лишь в одном случае: *Просека Запалосков вывела молодого лесника* [1, 201], поскольку Вихров достаточно хорошо знал лес и вряд ли мог заблудиться в лесу, где произошло действие. Однако следует отметить, что лес помогает не заблудиться только тем, кого лобит и кто его лобит. Так, например, лес уподобляется доброму товарищу, который не бросит в беде, в случае с Полей Вихровой, когда она оказалась одна в дремучем ночном бору. Выполняя задание, Поля доверилась русскому лесу, и он оберегал, укрывал ее. Подтвердим примером из текста: *старый бор обнял Полю за плечи и повел кратчайшим путем на подвиг* [1, 615]. Олицетворяя лес, Л. Леонов создает образ могучего покровителя с помощью глаголов *обнять, повести, следить, вывести, проводить*. В результате у читателя создается впечатление, что лес, как попутчик, идет рядом с Полей и делает все от него зависящее для обеспечения безопасности своей гостьи. Например: *лес пристально следил за продвижением Поли* [1, 622]; *пригнувшись, кусточками и по-таежному лес проводил вихровскую дочку* [1, 619].

В соответствии с концептуальной позицией Л. Леонова, лес может влиять на судьбу человека и даже на продолжительность жизни. В тексте романа подобное воздействие леса на человека нашло выражение в глаголах *держать, (не) отпускать*. Так, например, старый лесник Миной, слабый, практически ослепший, но остро чувствующий *всякую хворостинку* [1, 778] уверен, что именно лес его *держит* [1, 777], не дает умереть. Несмотря на то, что было у Миной три приступа, всякий раз лес каким-то чудом возвращал его к жизни. В судьбе Ивана Матвееча лес также имеет первостепенную важность. Вся жизнь Вихрова посвящена лесу, поэтому он, подобно Миной, говорит: *именно лес меня не отпускает* [1, 562]. А отношение какого-либо человека к лесу определяет отношение Вихрова к этому человеку, поскольку лес для Ивана Матвееча является мерилом человеческих ценностей. В приведенных контекстах глаголы *держать, (не) отпускать*, характеризуют концептуальное понятие *лес*, совмещают в себе следующие значения: 1. Не давать уйти (из леса, науки, жизни). 2. Служить поддержкой, опорой.

В романе лес вынужден также княжиться всем, кто приходил в него с топором. Например, в конце XIX-ого века *оглять бородастый русский лес, с дозволения правительства, кланяется* е

СОДЕРЖАНИЕ

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ТЕКСТА НА КАФЕДРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА МОЗЫРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА / С.Б.Кураш, О.И.Ревуцкий, В.Ф.Русецкий, Коношкевич М.И. О тексте и о лингвистике текста

ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕКСТА В СТРУКТУРНО-СМЫСЛОВОМ, ПРАГМАТИЧЕСКОМ И КОММУНИКАТИВНОМ АСПЕКТАХ

Аматов А.М. Каузальные связи в построении текста
 Антонова С.М., Сидорович З.З. Функционирование глагольного слова и его дериватов как воплощение пространственно-временного континуума в новеллах А.П. Чехова
 Арват Н.Н. О категории субъекта в сверхфразовом единстве (на материале повести Гоголя "Тарас Бульба")
 Ахраменко П.Е. Употребление отдельных типов безличных единиц в составе бессоюзных конструкций
 Гриц С.Л. Авторская терминология в смысловом развертывании текста (на материале рассказа О.Генри Jeff Peters as a Personal Magnet)
 Довгелъ Т.В. Субъект невербального поведения в нарративе И.А. Бунина
 Долгов Ю.С., Папейко А.А. Абзац как единица лингвистики текста
 ✓ Жураўская Л.В. Слова с часовым значением и их эквиваленты як сродкі міжфразавай сувязі
 Камлевич Г.А. Функционально-стилистическая нагрузка усеченных предложений в прозе Е.Замыatina
 Клименко А.П., Чечет В.В. К проблеме взаимодействия ассоциативного поля и текста
 Крук Б.А. Бизлукчыкавыя складаныя сказы і кантэкстуальная акружэнне
 Кулиева О.Н. Тематический и семантический анализ политематических реплик в драматических текстах
 ✓ Кураш С.Б. Ракурсы метафорологии: метафора как текст, текст как метафора
 ✓ Курилович О.Ф. Текстобразующая роль вербальных ассоциаций
 Ладутко М.В. Семантические приращения и их анализ в поэтическом тексте на морфемно-словообразовательном уровне
 Липская О.В. К вопросу о расчлененности текста
 Липская Т.Н. К вопросу о смысле текста
 Лобанова С.П. О когезии текста в английском языке
 Ничипорчик Е.В. О системном описании приемов игры на контрастных значениях слов
 Пустошило Е.Н. Структура микротекста дигласивных паремий в рамках когнитивной модели
 Рагаўцоў В.І. Цытаты і іх роля ў стварэнні камічнага эфекту (на матэрыяле беларускай драматургіі)
 Руденко Т.Н. Структура текста в аспекте композиционного синтаксиса
 Рябцева А.В. Название – кодированная идея текста
 Сак Е.М. К вопросу о текстообразующих функциях прямой речи
 Селиванова Е.А. Интерактивность как тексто-дискурсивная категория
 Сергей В.Н. Именная группа в позиции подлежащего и точка зрения адресанта (к проблеме употребления артикля во французском языке)
 Сигаї Н.В. Роль артиклей в понимании текста
 Сидорен В.С. Структурно-семантические функции неоднословных наименований действия в рассказе И.А. Бунина "Господин из Сан-Франциско"
 Соколовская О.О. Семантика категории приблизительного количества в современном английском языке

Талецкая Т.Н. Семантика и референция структурно разорванных компонентов диалогического текста 71
 Чиговская Я.А. Логические факторы как экстралингвистическая основа категориальной ретроспекции и проспекции (применительно к научному тексту) 74

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ТЕКСТА

Алещенкова Е.Н. Самость как художественный концепт в творчестве Велимира Хлебникова 77
 Андрейчик А.Н., Антонова С.М. Концептосфера поэмы Е. Евтушенко "Голубь в Сантьяго" 79
 Антонова Т.С. Концепты *мир* и *свобода* в дискурсе СМТ и языковом сознании читателя 83
 Бурова В.Л. Анализ информационной структуры мифа в тексте художественного произведения 86
 Гришкова О.Н. Интертекст как сфера существования логического концепта (на примере фрагмента интертекстуального диалога А.Блока и А.Ахматовой) 88
 Жинко Н.А. Концепт *добро* в языковом сознании пятиклассника и пятикурсника 90
 Конон В.В. Некоторые особенности организации художественного пространства текстов трилогии Д.Мережковского "Алиосот и антихрист" 92
 Кудреватых И.П. Концепт *память* и его прагматическое выражение в художественном тексте 94
 Маньканцева С.В. Концепт *лес* как исполнитель действий, направленных на человека (на материале романа Л.Толстого "Русский лес") 97
 Михалкина Т.А. Антропоним в повести А.И.Солженицына "Раковый корпус" 99
 Музыченко Н.Г. Концептосфера наименований рельефа в микротексте (на материале пословиц и поговорок из сборника В.И.Дали) 101
 Оксенчук А.Е. Пространство и время в художественном тексте (на материале рассказов В.Неслова) 103
 Сапалева Н.В. Функционализм и когнитивная лингвистика как развитие генеративной лингвистики 106
 Семянова Г.А. Антропоним як мінітэкст 108
 Сопот Л.М. Концепт *море* в романе В.Короткевича "Каласы пад сярпом тваім" (языковые средства структурирования и роль в создании концептосферы текста) 110
 Сочнева Т.К. Культурный концепт в произведениях А.Кулешова и А.Пысина 112
 Тапачынова Т.И. Концепт "зеркало" в рассказе В.Брюсова "В зеркале" 114
 Ткач Л.В. Метафорычныя сродкі выражэння канцэпта "каханне" у паэтычных тэкстах А.С.Пушкіна 116
 Чахоўскі Г.К. Генераванне палітычнага дыскурса ў ракурсе тэорыі бінарных апазіцый 118

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТОВЫХ ЖАНРОВ

Архипова Е.В. Анекдот как смеховой жанр 121
 Баженова Е.А. Структура научного текста (функционально-стилистический подход) 123
 Борзенец С.Е. Некоторые характеристики текстов постмодернистских рассказов и их значимость в описании дискурса постмодерна 126
 Воробьева О.И. Текст рекламы в культурно-коммуникативном аспекте 128
 Воробьева С.В. О роли корреляций заимствованной и исконной лексики в газетном тексте (на материале англицизмов в русском языке) 130
 Вяркеенка С.А. Замова ў святле лінгвапаэтычнага аналізу 133
 Горегляд Е.Н. Трансформация фразеологизмов в публицистическом тексте 135
 Жаткин Д.Н. К вопросу о символе в языке "Русских песен" А.А. Дельвига 137
 Лучанкаў В.І. Аб універсальнасці формулы тэкстаў-навін 139